ПРОБЛЕМЫ КОНСТИТУЦИОННОГО И МУНИЦИПАЛЬНОГО ПРАВА

УДК 342

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВОПРИМЕНЕНИЕ: НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Авакьян С.А., Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Российская Федерация, avakian@law.msu.ru

В статье ставятся проблемы непосредственного применения норм Конституции Российской Федерации 1993 года, а также практики развития конституционных положений в текущем законодательстве. Подчеркивая важную роль Конституции РФ как политического документа, автор обращает внимание и на то, что основополагающая роль Конституции как юридического акта и его ключевое место в системе права предполагают активное конституционное правоприменение, строящееся на реализации норм как самого Основного закона, так и развивающих его идеи и предписания документов текущего законодательства.

Ключевые слова: Конституция Российской Федерации, прямое действие конституции, применение конституции, текущее законодательство, теория и практика правоприменения.

DOI: 10.21779/2224-0241-2018-28-4-43-48

UDC 342

CONSTITUTIONAL LAW ENFORCEMENT: SOME PROBLEMS OF THEORY AND PRACTICE

Avakian S.A., Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation, avakian@law.msu.ru

The article raises the problems of direct application of the norms of the Constitution of the Russian Federation of 1993, as well as the practice of development of constitutional provisions in the current legislation. Emphasizing the important role of the Constitution of the Russian Federation as a political document, the author draws attention to the fact that the fundamental role of the Constitution as a legal act and its key place in the legal system involves active constitutional law enforcement, based on the implementation of the norms of both the Basic law and developing its ideas and prescriptions

Key words: Constitution of the Russian Federation, direct effect of the Constitution, application of the Constitution, current legislation, theory and practice of law enforcement.

DOI: 10.21779/2224-0241-2018-28-4-43-48

В связи с 25-летним юбилеем Конституции Российской Федерации следует еще больше думать о том, как повысить ее потенциал. Идеологическое воздействие Конституции на формирование новых ценностей является важным проявлением ее предназначения. Но Конституция в не меньшей мере является и правовым документом. Особенно это отражено в части 1 статьи 15 Конституции РФ, где говорится о ее свойствах как Основного закона страны, о том, что она *«имеет высшую юридическую силу, прямое действие и применяется на всей территории Российской Федерации»*.

Прямое действие Конституции Российской Федерации видится, прежде всего, в том, что она учреждает соответствующие общественно-политические, экономические, социальные и госу-

дарственно-властные отношения. Это есть высший смысл конституционного правоприменения. В определенном мере она оформляет то, что уже так или иначе сложилось в стране (например, отражает идеи правового равенства, типа хозяйствования, какие органы публичной власти и т.д.). И еще в немалой степени способствует развитию новых направлений общественно-политического бытия. Следовательно, прямое действие нашей Конституции надо видеть в том, что именно на ее основе складываются и развиваются общественные отношения, признаваемые ею необходимыми, желательными, соответственно не подлежат существованию и развитию те отношения, которые для Конституции нежелательны. Если попытаться найти образное сравнение, то прямое действие конститу-

ции – это примерно как влияние весеннего тепла или осеннего холода на природу и людей: мы ведь следуем климату природы и становимся его частью в своей психологии, настроении, одежде, поведении и т.д. Вот так и в обществе: «заложниками» (в хорошем смысле слова) конституции люди становятся в главном, ключевом – жизни, работе, общении, восприятии окружения, власти и т.д. Этот аспект прямого действия конституции, в том числе и Конституции Российской Федерации, очень сложно передать категориями правовой нормативности, скорее здесь подходят слова об *идеологии* системы, строя, социальной, политической и государственной *догме*, в определенной мере также о *политическом* режиме, этим ценностям и служит конституция, воплощает их и уже в качестве обязательного акта обращает всех нас в «исполняющую» массу своим (прямым) действием.

Но не менее важно то, что идеи конституции могут быть воплощены в конкретных юридических или политико-юридических конструкциях. При этом посредством правил норм, статей идеям, отражаемым в конституции, может быть придано тот или иное обязывающее звучание. Это, следовательно, есть еще одно проявление конституционного правоприменения. Юристы привыкли данный аспект конституционного влияния на практику характеризовать словами о том, что *конституция есть база текущего законодательства*. Именно на основе конституции, в нашем случае Конституции Российской Федерации 1993 года, началось массовое развитие нормотворческой практики, которое и стало поистине ярким воплощением применения ее норм.

На основе программного значения конституционных положений и еще их воплощения в текущем законодательстве можно увидеть основные пути конституционного правоприменения.

Однако сводить всё конституционное правоприменение к названным двум каналам было бы не совсем оправданно. В обществе, государстве должна существовать, а представителям правовой науки особенно близка трактовка прямого действия Конституции РФ как возможности *непосредственной правовой реализуемости* ее норм. Причем это состоит в общем юридическом *императиве* конституционной нормы, а отсюда и обязательности ее применения соответствующими субъектами права.

Это позволяет сделать вывод о том, что конституционное правоприменение состоит в непосредственной реализации ее норм теми, кому они адресованы, а также запрете иных действий как данными, так и иными субъектами права.

Для примера можно привести статьи 80 и 81 Конституции РФ. Напомним, ст. 80 гласит, что Президент Российской Федерации есть глава государства и определяет (ч. 2, 3, 4), что есть главное в его предназначении – Президент является гарантом Конституции Российской Федерации, прав и свобод человека и гражданина; в установленном Кон-

ституцией РФ порядке он принимает меры по охране суверенитета Российской Федерации, ее независимости и государственной целостности, обеспечивает согласованное функционирование и взаимодействие органов государственной власти; Президент в соответствии с Конституцией Российской Федерации и федеральными законами определяет основные направления внутренней и внешней политики государства; Президент как глава государства представляет Российскую Федерацию внутри страны и в международных отношениях. А ст. 81 в ч. 1 обозначает, что желающий может получить этот пост посредством избрания путем прямых выборов с участием всего населения страны. Прямое действие данной нормы Конституции состоит в том, что только путем избрания можно занять пост Президента Российской Федерации; иные способы будут нарушением Конституции – например, если Федеральное Собрание, даже в сложной ситуации, изберет кого-то главой государства (нет у парламента такого права) либо кто-то провозгласит себя Президентом – это будет вариант узурпации власти, его запрещает ч. 4 ст. 3 Конституции, также демонстрируя прямое действие.

Можно найти немало иных примеров в Конституции Российской Федерации. В целом она подтверждает тезис о том, что зачастую конституционное правоприменение действительно состоит в реализации норм самой Конституции.

Однако не следует заблуждаться. Нередко бывает и так, что к нескольким конституционным правилам, которые сами по себе являются четкими и могут прямо применяться, следует добавить большие блоки норм подконституционных актов.

Чаше можно наблюдать прямое действие Конституции в том, что она закрепляет какой-либо институт, определяет главные правила его действия и применения. Далее: а) либо прямо предписывается принятие закона, который разовьет догматическое (т.е. непреложное) конституционное правило, б) либо, при минимальности конституционного регулирования, появление такого закона обуславливается логикой нормы Конституции.

В действующем Основном законе Российской Федерации можно видеть конституционное правоприменение в обоих названных аспектах.

Внимание привлекает путь, больше напоминающий первую ситуацию, когда конституционное регулирование является небольшим по объему в силу того, что оно является тезисным, концептуальным, и ожидается более полное отражение конституционной концепции (правила) в специальном законе, принятие которого предписано конституционной нормой. В реальности чаще всего так и происходит, некоторые ученые подсчитали, что не менее 600 нормативных правовых актов (как законов, так и других) приняты для реализации конституционных положений.

В этой ситуации удивительным стало то, что несколько законов в порядке реализации Кон-

ституции РФ до сих пор не приняты, на этой почве развилась дискуссия о том, что надо принимать акты, но в силу не того, что они предусмотрены Конституцией, а в силу того, созрели или не созрели жизненные условия для их принятия; либо приводится и такой аргумент: в какой мере принятие этих актов повлияет на общественные настроения, не вызовет ли напряженность, противостояние разных сил в обществе.

В плане конституционного правоприменения особенно острым проявлением таких споров стало принятие или непринятие федерального конституционного закона о Конституционном Собрании, о котором говорит ст. 135 Конституции РФ для случая, если возникнет вопрос о пересмотре Конституции. Если кратко сформулировать позиции, они таковы: раз предусмотрено Конституцией – извольте принять такой ФКЗ; мало ли что предусмотрено Конституцией, давайте смотреть на реальности жизни – как только примем такой закон, даже с момента обсуждения проекта некие силы в обществе станут требовать конституционных реформ не по части поправок Конституции, а ее полного пересмотра, т.е. принятия нового Основного закона. А это вызовет столкновение позиций, и не только идейное, но и физическое.

Автор этих строк и многие другие ученые являются сторонниками строго правового подхода – раз уж предусмотрено Конституцией, надо принять акт. В нашем обществе хватает здравомыслящих людей, которые смогут отделить конституционную культуру правотворчества от спекулятивных подходов. Однако мы не можем добиться результата, даже предлагая как будто бы неплохие законопроекты.

К счастью, такая – пока неразрешимая – ситуация касается крайне малого числа актов, которые должны появиться как выражение конституционного правоприменения. В большинстве случаев можно наблюдать, что всё начинается с конституционной дефиниции соответствующего правила. Далее следует правоприменение в плане воплощения конституционных норм в соответствующем законе. Например, ст. 6 Конституции РФ гласит, что гражданство Российской Федерации приобретается и прекращается в соответствии с федеральным законом, является единым и равным независимо от оснований приобретения. Каждый гражданин Российской Федерации обладает на ее территории всеми правами и свободами и несет равные обязанности, предусмотренные Конституцией Российской Федерации. Гражданин Российской Федерации не может быть лишен своего гражданства или права изменить его. В приведенной статье мы не видим самого определения гражданства – как известно, к нему могут быть подходы как к правовой связи лица и государства или же как к принадлежности лица к государству. Можно считать, что Конституция как бы косвенно отдает предпочтение правовой связи, как далее и закрепил Федеральный

закон от 31 мая 2002 г. «О гражданстве Российской Федерации». И все же главное состоит в ключевых характеристиках гражданства, а они отражены в нормах Конституции, в том числе самого права на обладание гражданством и права на изменение гражданства, т.е. на выход из гражданства Российской Федерации. И развитие этих норм, в том числе и порядка их применения, мы наблюдаем как в данном Законе, так и в утвержденном Указом Президента 2002 г. Положении о порядке рассмотрения вопросов гражданства Российской Федерации.

Конечно, это совсем не исключает ситуаций, когда закрепление правил в виде тезисов В этом плане вариант, когда правило в виде тезиса есть в Конституции, но его прямое действие и применение в полной мере зависят от текущего регулирования, может породить болезненную проблему конституционного правоприменения. Ее суть состоит в том, что если какие-то силы настаивают на отражении в конституции какого тезиса, это можно сделать, образно говоря, в лозунговом варианте. А далее конституционное правоприменение свести «на нет» нормами текущего законодательства. Кратко и выразительно о таких случаях говорил К. Маркс: свобода в общей фразе, ограничение свободы в оговоре.

Воплощение такого правоприменения мы можем порой видеть и в российском законодательстве. Наглядный тому пример на словах широкого прямого применения нормы Конституции Российской Федерации и ее ограничения в текущем законодательстве – статья 31, она гласит: «Граждане Российской Федерации имеют право собираться мирно, без оружия, проводить собрания, митинги и демонстрации, шествия и пикетирование». Федеральный закон от 19 июня 2004 г. «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» в начальной редакции отразил демократическое содержание права на манифестации. Однако буквально испугавшись широты народных выступлений, законодатель пошел, начиная с 2012 года, на резкое ограничение их возможностей под разными предлогами, в том числе с преувеличенным «выпячиванием» таких последствий, как затруднения для движения транспорта, опасность для памятников истории, даже затаптывание травы, трудности прохода граждан к своим домам и т.п. Это приняло такой широкий размах, что даже такой в необходимой степени консервативный орган, как Верховный Суд РФ, выразил свою обеспокоенность. В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 26 июня 2018 г. № 28 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при рассмотрении административных дел и дел об административных правонарушениях, связанных с применением законодательства о публичных мероприятиях»^{*} отмечается: «Судам необходимо учитывать, что неудобства, вызывае-

^{*} Российская газета. № 145. 06.07.2018; Бюллетень Верховного Суда РФ. Август. 2018. № 8.

мые проведением публичного мероприятия, для граждан, не участвующих в нем, а также предложения органа публичной власти о возможности возникновения указанных неудобств сами по себе не могут являться уважительной причиной для изменения места и (или) времени проведения публичного мероприятия» (абз. 3 пункта 12). Например, неудобства, связанные с необходимостью временного изменения маршрутов движения транспорта, помехи движению пешеходов не могут рассцениваться в качестве уважительной причины предложения об изменении места и (или) времени проведения публичного мероприятия, если условия дорожного движения и поведение всех участников этого движения будут находиться в пределах допустимых норм и не будут способствовать возникновению дорожно-транспортных происшествий (там же, абз. 4).

Здесь мы подходим к острому вопросу о том, в какой мере применение норм конституций зависит от тех, кому поручено заниматься правоприменением, в том числе и разрешать на их основе споры и конфликты. Довольно ярко демонстрирует важность этой проблемы следующий пример. Исходя из части 1 ст. 15 Конституции, процитированной выше, Верховный Суд РФ в постановлении от 31 октября 1995 г. № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия»^{**} записал, что суд непосредственно применяет нормы Конституции РФ, когда придет к убеждению: что федеральный закон, действовавший на территории Российской Федерации до вступления в силу Конституции РФ, противоречит ей; что федеральный закон, принятый после вступления в силу Конституции РФ, находится в противоречии с соответствующими положениями Конституции (подпункты «б» и «в» пункта 2 постановления). Получалось таким образом, что любой суд общей юрисдикции мог выступать своеобразным толкователем Конституции, ее оценщиком, в том числе и на предмет прямого действия Основного закона и его непосредственного применения.

Потребовалось несколько лет, чтобы возникло обращение в Конституционный Суд Российской Федерации, и он принял постановление от 16 июня 1998 г. № 19-П «По делу о толковании отдельных положений статей 125, 126, 127 Конституции Российской Федерации»^{***}. Говоря обобщенно, Конституционный Суд записал в этом документе: на конституционном уровне закреплено, что выводы других судов о неконституционности закона не могут сами по себе послужить основанием для его официального признания не соответствующим Конституции Российской Федерации и утрачивающим юридическую силу. Суд общей юрисдикции

или арбитражный суд, придя к выводу о несоответствии Конституции Российской Федерации федерального закона или закона субъекта Российской Федерации, не вправе применить его в конкретном деле и обязан обратиться в Конституционный Суд Российской Федерации с запросом о проверке конституционности этого закона. То есть именно Конституционный Суд, и только он может определить, что акт противоречит Конституции РФ и не подлежит применению.

Нельзя не обратить внимание: есть основания для вывода о том, что в течение длительного времени Верховный Суд игнорировал постановление Конституционного Суда, поскольку не корректировал свое постановление от 31 октября 1995 г. Только 16 апреля 2013 г. он исключил названные подпункты из постановления. Но почему-то не подтвердил слова из постановления КС о том, что суд, придя к выводу о неконституционности акта, обязан обратиться в Конституционный Суд РФ.

Непростая ситуация по поводу непосредственного конституционного правоприменения возникла относительно ч. 4 ст. 15 Конституции: «Общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора».

Возник вопрос о том, как быть в ситуации, когда положения международно-правового документа противоречат Конституции РФ. Один подход состоял в том, что как будто бы на основе приведенной нормы Основного закона надо применять международную норму и не применять конституционное предписание. Другой же подход был и есть – он обусловлен статьей 22 «Особый порядок выражения согласия на обязательность для Российской Федерации международных договоров» Федерального закона от 15 июля 1995 г. «О международных договорах Российской Федерации», которая гласит: «Если международный договор содержит правила, требующие изменения отдельных положений Конституции Российской Федерации, решение о согласии на его обязательность для Российской Федерации возможно в форме федерального закона *только после внесения соответствующих поправок в Конституцию* (курсив мой. – С.А.) Российской Федерации или пересмотра ее положений в установленном порядке».

Как можно видеть, в отношении международных актов и норм непосредственное действие и применение Конституции РФ происходит по принципу незыблемости ее положений – если появилось нечто в международных актах или же решениях международных судов, к чему России вроде бы следует присоединиться, то уже при их одобрении нашим государством надо определиться с их соответствием Конституции, при необходимости сде-

^{**} Бюллетень Верховного Суда РФ. 1996. № 1.

^{***} Собр. законодательства Рос. Федерации. № 25. 22.06.1998, ст. 3004.

лать конституционный текст адаптированным к международным актам и реалиям.

Конституционный Суд сформулировал в ряде своих решений позицию, суть которой кратко можно изложить так: правила Конституции Российской Федерации остаются незыблемыми, действуют и применяются в том виде, как сформулированы, включая и заложенные в них идеи и смысл.

К сожалению, чаще не в плане международных документов, а во внутреннем аспекте мы попадаем в тупик в части того, что законы и иные правовые акты, принимаемые в Российской Федерации, «не должны противоречить Конституции Российской Федерации», и мы приходим в состояние озадаченности от сложности выводов. Т.е. порой имеет место парадоксальная ситуация, когда «конституционная икона» висит, а текущее законодательство правится как угодно, и в этом трудно обнаружить противоречие с Конституцией и ее применение.

Достаточно яркий пример в этом плане – действие и применение норм Конституции о местном самоуправлении – ст. 12 и главы 7 «Местное самоуправление». Как известно, за период действия Конституции 1993 года появились два Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» – 1995 г. и 2003 г. Мы не можем сказать, что эти акты противоречили и противоречат Конституции РФ. Хотя в ряде направлений регулирования организации и деятельности местного самоуправления они различаются, но все же ориентировались на развитие самостоятельности местного самоуправления.

Однако характерно то, что после принятия Федерального закона 2003 года уже само его введение в действие не один раз переносилось, а за истекшие годы порядка 150 раз вносились изменения и дополнения в этот Закон. Они касаются практически всех аспектов – системы и уровней местного самоуправления, включая упразднение отдельных его звеньев, моделей и порядка выборов депутатов и должностных лиц местного самоуправления, их полномочий, организационной зависимости органов местного самоуправления от органов государственной власти субъектов РФ и др.

Естественно возникает сам по себе вопрос: не получается ли, что идеи Конституции о местном самоуправлении формальны и допускают разные

пути их применения, которые, исключая друг друга, тем не менее не могут быть названы противоречащими Конституции – ведь самого местного самоуправления такие реформы не отрицают?

Итак, выделим некоторые пути обеспечения непосредственного конституционного правоприменения.

Во-первых, надо использовать потенциал и возможности действия конституционных норм.

Во-вторых, необходимо разработать и принять все те законы, которые предусмотрены Конституцией и пока не приняты, то есть видеть конституционное правоприменение в сочетании двух начал – и норм конституции, и развивающих этих норм подконституционных актов. Все подобные акты должны периодически оценивать как на предмет их соответствия Конституции РФ, так и обеспечения эффективного применения ее норм. Особое внимание стоило бы обратить на то, что сейчас стали весьма популярными различные программы экономического, социального, национального и т.п. характера. Их роль в реализации норм Конституции РФ заслуживает отдельного внимания.

В-третьих, периодически следуя диалектике жизни, надо оценивать конституционную правоприменительную практику также на предмет совершенствования самого конституционного регулирования. Мы пессимистически оцениваем роль так называемой «живой конституции», т.е. «точечного» толкования неясностей конституционного текста и появления на этой основе соответствующих правил конституционного правоприменения, формирования существующих государственных программ с позиций их способствования реализации Конституции РФ. Может быть кому-то не дают покоя «лавры» американской Конституции с ее сотнями лет действия без корректив. Однако не будем забывать, что они все же имели место. Однако в значительной степени данная Конституция заняла «иконоподобное» место, а политические и прочие вопросы решаются с учетом этих самых правил «живой конституции». Если Российская Федерация пойдет тем же путем, то лишь при условии, что надо забыть о норме, процитированной нами в начале статьи – о прямом действии и применении Конституции Российской Федерации. При таких подходах очень скоро они забудутся...

Литература

1. Авакьян С.А. Конституционное право России: учебный курс: в 2 т. 6-е изд. М.: Норма, 2018.
2. Алебастрова И.А. Принцип социальной солидарности в конституционном праве: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2017.
3. Безруков А.В. Конституционно-правовой механизм обеспечения правопорядка органами публичной власти в России: монография. М., 2018.
4. Белов С.А. Конституционная модель легитимации решений органов международных организаций // Журнал конституционного правосудия. 2018. № 2.
5. Бондарь Н.С., Джагарян А.А. Правосудие: ориентация на Конституцию: монография. М., 2018.

6. *Морозов А.Н.* Конституционное отражение общепризнанных принципов и норм международного права // Журнал российского права. 2018. № 7.
7. *Невинский В.В.* Прямое действие российской Конституции на перекрестке мнений конституционалистов // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2018. № 2(121).
8. *Хельгесен Я.Э.* Сравнительный конституционализм — взгляд из Венеции. Венецианские каналы от национального права к транснациональному / универсальному праву (на англ. яз.) // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2018. № 1.
9. *Чиркин В.Е.* Верна ли терминология о принятии поправок к Конституции Российской Федерации? // Конституционное и муниципальное право. 2018. № 2.
10. *Чиркин В.Е.* Как поправить неточности в формулировках части 2 статьи 5, части 2 статьи 11 Конституции РФ, если созыв Конституционного Собрания пока невозможен? // Государство и право. 2018. № 2.
11. *Шахрай С.М.* Конституционное право Российской Федерации: Учебник для академического бакалавриата и магистратуры. 4-е изд., изм. и доп. М.: Статут, 2017.
12. *Шустров Д.Г.* Пределы изменения конституции и конституционный контроль за их соблюдением в России и постсоветских государствах: сравнительно-правовое исследование: в 2 т. М., 2018.
13. *Шустров Д.Г.* Решение органа конституционного контроля по делам о проверке конституционности изменения конституции и его правовые последствия // Журнал конституционного правосудия. 2018. № 3.
14. *Эбзеев Б.С.* Актуальные проблемы реализации Конституции России 1993 года // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2018. № 1 (120).

References

1. *Avak'yan S.A.* Konstitutsionnoe pravo Rossii: uchebnyi kurs: v 2 t. 6-e izd. M.: Norma, 2018.
2. *Aleastrova I.A.* Printsip sotsial'noi solidarnosti v konstitutsionnom prave: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk. M., 2017.
3. *Bezrukov A.V.* Konstitutsionno-pravovoi mekhanizm obespecheniya pravoporyadka organami publichnoi vlasti v Rossii: monografiya. M., 2018.
4. *Belov S.A.* Konstitutsionnaya model' legitimatsii reshenii organov mezhdunarodnykh organiza-tsii // Zhurnal konstitutsionnogo pravosudiya. 2018. № 2.
5. *Bondar' N.S., Dzhagaryan A.A.* Pravosudie: orientatsiya na Konstitutsiyu: monografiya. M., 2018.
6. *Morozov A.N.* Konstitutsionnoe otrazhenie obshchepriznannykh printsiptov i norm mezhdunarodno-go prava // Zhurnal rossiiskogo prava. 2018. № 7.
7. *Nevinskii V.V.* Pryamoe deistvie rossiiskoi Konstitutsii na perekrestke mnenii konstitutsio-nalistov // Vestnik Saratovskoi gosudarstvennoi yuridicheskoi akademii. 2018. № 2(121).
8. *Khel'gesen Ya.E.* Sravnitel'nyi konstitutsionalizm — vzglyad iz Venetsii. Venetsianskie kanaly ot natsional'nogo prava k transnatsional'nomu / universal'nomu pravu (na angl. yaz.) // Zhurnal zarubezh-nogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya. 2018. № 1.
9. *Chirkin V.E.* Verna li terminologiya o prinyatii popravok k Konstitutsii Rossiiskoi Federa-tsii? // Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo. 2018. № 2.
10. *Chirkin V.E.* Kak popravil' netochnosti v formulirovkakh chasti 2 stat'i 5, chasti 2 stat'i 11 Konstitutsii RF, esli sozyv Konstitutsionnogo Sobraniya poka nevozmozhen? // Gosudarstvo i pravo. 2018. № 2.
11. *Shakhrai S.M.* Konstitutsionnoe pravo Rossiiskoi Federatsii: Uchebnik dlya akademicheskogo ba-kalavriata i magistratury. 4-e izd., izm. i dop. M.: Statut, 2017.
12. *Shustrov D.G.* Predely izmeneniya konstitutsii i konstitutsionnyi kontrol' za ikh soblyude-niem v Ros-sii i postsovetskikh gosudarstvakh: sravnitel'no-pravovoe issledovanie: v 2 t. M., 2018.
13. *Shustrov D.G.* Reshenie organa konstitutsionnogo kontrolya po delam o proverke konstitutsi-onnosti izmeneniya konstitutsii i ego pravovye posledstviya // Zhurnal konstitutsionnogo pravosudiya. 2018. № 3.
14. *Ebzeev B.S.* Aktual'nye problemy realizatsii Konstitutsii Rossii 1993 goda // Vestnik Sara-tovskoi gosudarstvennoi yuridicheskoi akademii. 2018. № 1(120).

Поступила в редакцию 17 октября 2018 г.
Received 17 October, 2018